

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА»

В этой серии издаются книги крупнейших мировых и отечественных библеистов. Серия включает фундаментальные труды по текстологии Ветхого и Нового Заветов, истории создания библейского канона, перевода Библии, а также исследования исторического контекста библейского повествования. Эти издания могут быть использованы студентами, преподавателями, священнослужителями и мирянами для изучения текстологии, исагогики и экзегетики Священного Писания

в свете современной науки.

**Whose Bible
Is It?**

A SHORT HISTORY OF
THE SCRIPTURES

Jaroslav Pelikan

VIKING

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА»

ЯРОСЛАВ ПЕЛИКАН

КОМУ
ПРИНАДЛЕЖИТ
БИБЛИЯ?

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПИСАНИЯ

ДУХ І ЛІТЕРА

КИЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37

УДК 225

П 246

Совместное издание Библейско-богословского института
св. апостола Андрея и издательства «ДУХ І ЛІТЕРА»

Перевод: Дарья Морозова

Редактор: Ирина Языкова

Данный перевод книги Ярослава Пеликана
Whose Bible is It? A Short History of the Scriptures публикуется
с согласия *Viking, an imprint of Penguin Publishing Group,*
a division of Penguin Random House LLC.

Пеликан Ярослав

Кому принадлежит Библия? Краткая история Писания / Пер.
с англ. (Серия «Современная библеистика»). — М.: Издательство
ББИ; К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2019, xii + 253 с.

ISBN 978-5-89647-375-6 (ББИ)

ISBN 978-9-66378-600-1 (ДУХ І ЛІТЕРА)

На протяжении многих веков Библия остается полем битвы стольких вер, учений, мировоззрений, что невольно возникает вопрос: возможно ли вообще посмотреть на нее непредвзято? В предлагаемой книге Ярослав Пеликан предоставляет читателю такую возможность. Сочетание научной строгости и блестящей эрудиции делает ее интересным и доходчивым путеводителем по главным темам библеистики, открывая доступ к Священному Писанию разным народам и культурам.

Верстка: Татьяна Дурнова

Обложка: Богдан Скубко

В оформлении обложки использована
эфиопская средневековая книжная миниатюра

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Penguin Books, 2006

© «ДУХ І ЛІТЕРА», 2019

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2019
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	ix
Вступительное слово.	
Библия, полная Библия и ничего кроме Библии?	1
Глава 1. Бог, который говорит	5
Голос Бога	6
Пророк	7
Устная традиция в мировых литературах	10
Сократ и Иисус	13
Писание и предание	17
Произнесенное слово и писаное слово	19
Глава 2. Истина на иврите	25
Тора, Пентатевх	28
Невиим, Пророки	32
Кетувим, Писания	38
Иудейский канон Танаха	42
Глава 3. Моисей, говорящий по-гречески	45
Еврейская диаспора	46
Происхождение Септуагинты	50
Особенности Септуагинты	53
Культурное значение Септуагинты	54
Биография Моисея	55
Значение Септуагинты для христианства	58
Глава 4. За пределами писаной Торы:	
Талмуд и продолжающееся откровение	63
Апокрифы	64
«Не говорила, а говорит»: континуальность устной Торы	66

Глоссы и парафразы на священный текст.....	71
Применение и разработка Закона	74
Легенды иудеев и «предания отцов»	76
Универсальность Торы?	78
Глава 5. Исполнение Закона и Пророков	83
Танах окрестили христианской Библией	86
Глава 6. Формирование второго Завета	95
«Новый» Завет	96
Евангелия.....	98
Деяния Апостолов.....	103
Послания	105
Книга Откровения	109
Христианская Библия в христианской церкви.....	110
Признанные и оспариваемые книги.....	111
Формирование новозаветного канона.....	112
Глава 7. Народы Книги	115
Разделенные общим языком	115
Вульгата.....	118
Обособленные традиции интерпретации	121
Средневековая христианская интерпретация.....	123
Песнь Песней.....	128
Ислам как третий «народ Книги»?	131
Глава 8. Возврат к истокам.....	135
<i>Renovatio</i> классической и христианской латыни.....	137
Греческий открыт заново.....	141
Возвращение к Библии на иврите	145
Лоренцо Валла и Эразм Роттердамский	147
Взрыв и его последствия	150
Ирония возрождения библеистики	153
Глава 9. <i>Sola Scriptura</i> – Только Библия	155
Библейское возрождение и библейская реформация....	155

Что дала Библия Реформации	157
Что Реформация сделала для Библии.....	160
Печатные Библии для народа	161
Английская Библия	165
Библейское «правление святых» и религиозная свобода	168
Библия и культура Реформации.....	170
Библия в католической Реформации	172
Глава 10. Канон и критика	177
Критика традиционных подходов к Библии.....	181
Хаскала – Просвещение – <i>Aufklärung</i>	183
Взлет историко-критического метода	187
Глава 11. Послание всему человечеству	201
«В море Библий»	202
Ненависть к Библии	214
Золотой век изучения Библии.....	215
Глава 12. Странный новый мир внутри Библии.....	219
«Красота вечно древняя, вечно новая»	220
Иностранный язык	224
Чужая вселенная.....	227
«Особенный народ»	229
Навязчивость сакральной географии	232
Противоположный образ жизни	234
«Совершенно иной» Бог	239
Послесловие	241
Примечания и краткая библиография	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея написать эту книгу возникла в Карнеги-холл на Рождество 1990 года, на ежегодном исполнении «Мессии» Георга Фридриха Генделя нью-йоркским коллективом *Musica Sacra* под управлением Ричарда Вестенбурга. Дирижер, мой давнишний друг и коллега, предложил мне подготовить сопроводительный текст, которой входил бы в программку к «Мессии». Хотя я слушал это произведение всю жизнь, поручение Карнеги-холл породило тысячу новых вопросов на эту тему, а также воскресило некоторые очень старые вопросы. Поэтому текст в программке был озаглавлен вопросом: «Кому принадлежит Библия?», который я поместил теперь в название всей этой книги. Дело в том, что в Карнеги-холл, на концерте, где аудитория, хор и оркестр включали не только христиан, но и иудеев, и неверующих, библейский текст «Мессии» (лишь на треть состоящий из слов Нового Завета) предполагал наличие чего-то, не разумеющегося само собой, по крайней мере, в этом месте. Кажется, в «Мессии» подразумевается, как и понимали веками верующие христиане, что Исаия пророчествует в седьмой главе своей Книги о Деве, которая «во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14), или провозглашает в девятой главе: «Ибо младенец родился нам — Сын дан нам» (9:6), или в пятьдесят третьей главе: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (53:4), он говорит не только эксплицитно, но пожалуй даже исключительно о девственном Рождестве и об искупительных Страстях Иисуса Назарянина, *Мессии*. Соответственно, считалось, что эти места из иудейской Библии не могут быть правильно прочитаны в иудейском контексте, обретая свое подлинное значение лишь в контексте христианском. Они стали,

как назвал их христианский писатель II века, обращаясь к иудею, «не вашими Писаниями, а нашими»¹.

В то же время я, как и многие из моих современников, мучительно формулировал — точнее, пытался сформулировать — ответ на катастрофические события 1930–40-х. Для меня этот ответ приобрел отчетливую форму вопрошания: какую роль могли сыграть христианские категории и способы осмысления иудаизма и иудеев в предыстории Холокоста. Как член совета Национальной конференции христиан и иудеев и как деятельный участник других подобных инициатив, но прежде всего как историк христианского вероучения я отнесся к этому вопросу — или, точнее, к этой совокупности вопросов — как к неизбежным. Рецензенты моего пятитомного труда «Христианская традиция: история развития доктрины», опубликованного между 1971 и 1989 годами, отмечали две определяющие черты этой работы, отличавшие ее от всех прочих и предыдущих историй христианской мысли и доктрины: это акцент на выделении ключевых мест из обоих Заветов, на которых церковь основывала доказательства разнообразных учений, рассматривавшихся в книге; и признание того, что отношение христианства к иудаизму сыграло первостепенную роль не только для «формирования католической традиции», что я доказывал в I томе, но и для всей истории христианской доктрины, и для любой доктрины и любого периода в этой истории, то есть, для всех пяти томов.

Иудейская богословская семинария Америки 16 мая 1991/3 сивана 5751, отнеслась к обоим этим измерениям моей работы с удивительным уважением (особенно как для христианского исследователя христианской истории), ответить на которое, в частности, предназначена эта книга. В щедрой на похвалы речи при присуждении почетной степени, в частности, говорилось:

Вы научили всех нас, что великие религиозные традиции постоянно обновляются в течение веков, рождая вечно-меняющиеся интерпретации вечно-неизменного священного текста Писа-

¹ Св. Иустин Мученик, *Диалог с Трифоном иудеем*, 29.

ний... Вы вникли с усердием в длящийся диалог между христианами и иудеями, до сего дня волнующий церковь. Присуждая Вам эту почетную степень, мы проявляем признание и воздаем честь ... Вашему вкладу в идею, что иудеи и христиане это два различных религиозных сообщества с общими обязанностями перед Писанием и его интерпретациями.

На тот момент ни Семинария, ни я сам не могли догадываться, что эти слова станут своего рода предисловием к настоящей книге, вышедшей полтора десятилетия спустя.

Выше я говорил, что идея создания этой книги возникла в Карнеги-холл на Рождество 1990 года, и это так. Но в равной мере я обязан этой идеей и моей тете, Ванде Ольге Бразловой, с которой мой дядя, Джон М. (Джек) Пеликан, встретился и поженился, работая инженером-электриком в Советском Союзе в 1920-е и 30-е годы. Путем не лишеного приключений бегства, пополнившего сокровищницу семейных преданий, теть Ванда перебралась в 1930-е годы в США из страны, где атеизм был официальным вероисповеданием, а чтение Библии третировалось, в лучшем случае, как «PG 13»*. Но очутившись в свободном мире, она стала жадно читать Библию — и все остальное, что ей попадалось на глаза — с той свежестью и непосредственностью, которая могла как обезоружить, так и убить на месте, порой, казалось бы, наивной, но на деле очень мудрой. Однажды она спросила меня мимоходом, на том языке, который Патрик О'Брайен в четвертом романе цикла «Обри/Матюрен»** назвал «беглым, хотя и своеобразным английским, лишенным артиклей» (характерная проблема для славян, с которой и у меня до сих пор проблемы — по той же причине), на английском с заметным акцентом, хотя она уже давно на нем

* Обозначение из американского универсального рейтинга кинофильмов. Обозначает, что дети до 13 лет допускаются на сеанс с разрешения родителей. — Здесь и далее в сносках под знаком * даются примечания переводчика и редактора.

** Цикл Aubrey/Maturin — серия из 20 исторических романов, написанных Патриком О'Брайеном (1914–2000).

говорила: «Скажи мне, и шо ты думаешь за Библию?» Вопрос зацепил меня; не помню, ответил ли я ей тогда что-нибудь. Но теперь, спустя несколько десятков лет, я наконец пытаюсь ответить на незабвенный вопрос дорогой тетушки Ванды.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Библия, полная Библия и ничего кроме Библии?

Все помнят старый анекдот о раввине, кюре и пасторе, вместе отдыхающих в баре. По аналогии с ним. Представим, что три дамы, пользуясь обеденным перерывом в их конторе, прогуливаются в книжный магазин неподалеку. Одна из них иудейка, две другие – христианки – католичка и протестантка. Поскольку теперь время Песаха и Пасхи (родственных праздников, которые, однако, отмечают в разные дни), каждая желает приобрести Библию для своей дочери.

И мы понимаем, что им нужны разные Библии. Поэтому знающему продавцу следовало бы спросить каждую из них: «Какую Библию вы хотите?». Да и любой покупатель или читатель, к какой бы конфессии он ни принадлежал, не может не удивиться множеству переводов Библии. Только на английском языке десятки переводов и версий: короля Якова, Пересмотренный стандартный перевод, Новый пересмотренный стандартный перевод, Добрая весть, перевод Иудейского издательского общества, Новая английская Библия, Пересмотренная английская Библия, Иерусалимская Библия, Новая Иерусалимская Библия и т.д. Но читатель также имеет полное право получить «Библию, полную Библию, и ничего кроме Библии». Хотя даже оглавление, технически называемое «канон», т.е. «правило», фундаментально различается в разных Библиях. Наиболее значительные отличия у иудейской Библии в сравнении с христианскими: в ней нет Нового Завета, так что иудейская покупательница

должна требовать «ничего кроме Библии», особенно если в последней командировке ей довелось полистать в номере отеля Гидеоновскую Библию, содержащую Новый Завет. Но и протестантская Библия отличается от Библии католической: в ней нет апокрифов, так что католичка с успехом может спросить: «Вся ли это Библия?» Иногда говорят, что все эти различия «заметны [только] церковным ученым», однако любому достаточно провести пять — десять минут в книжном магазине, чтобы их обнаружить.

Между тем, два термина, обычно прилагаемые к Библии, один из сферы права, другой из медицины, могут проиллюстрировать необходимость максимы «Библия, вся Библия и ничего кроме Библии» для каждого, кто воспринимает эту книгу как авторитет: *завет* и *предписание*. Мы так привычно бросаемся словами «Ветхий Завет» и «Новый Завет», что легко забываем их изначальный смысл, открывающийся в правоведческой формуле «последняя воля и завещание». Такая «последняя воля и завещание» представляет договор между живыми и мертвыми, причем и завещающий, и наследники имеют право рассчитывать, что этот документ авторитетно представляет «все завещание и ничего кроме завещания», оставившего его и продиктовавшего его условия. Аналогично, когда врач пишет свои предписания на рецепте, и доктор, и пациент законно могут требовать от аптекаря уважения к «авторскому замыслу» документа и следования «предписанию и ничему кроме предписания». И завещание, и предписание могут быть вопросом жизни и смерти, и то же относится к Библии, поэтому мы и говорим о «спасении», что в оригинале — «исцеление», и о том, что «предписывает слово Божие».

В определенном отношении вопрос «Кому принадлежит Библия?» может быть обращен к «истории Писаний сквозь века», повествующей, что общего во всех этих Библиях, но также и чем, и почему они различаются — не только по содержанию, но и по тому, как их читали и понимали, и почему это имеет значение до сих пор.

История иудейско-христианских отношений, а затем и история разделений внутри христианства это в каком-то смысле история интерпретаций Библии. Стороны встречались на священных страницах, которые были их общим достоянием, но которые они использовали только, чтобы подчеркнуть их разделение. В любой Библии, иудейской или христианской, Бог говорит Моисею: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» (Втор 18:18-19). Являются ли эти слова, приводимые в Новом Завете (Деян 3:22), пророчеством определяющем передачу полномочий от Моисея – Иисусу? И в любой христианской Библии Иисус провозглашает: «и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф 16:18-19). Являются ли эти слова, начертанные на фризе базилики св. Петра в Риме, хартией папства? Чтобы понять, как христиане и иудеи воспринимали друг друга, и как христиане воспринимали других христиан, важно признать необходимость – но также и ограничения – этих источников учения и библейской интерпретации.

В виду центрального значения Библии и в иудаизме, и в христианстве, состав книг и разделов Библии – это отнюдь не просто обозначения. Христианам привычно говорить о «Ветхом Завете» и «Новом Завете», причем контраст «ветхого» и «нового» неминуемо влечет за собой такие коннотации, как «отмененный» или хотя бы «обновленный». На этих страницах «Новый Завет» остается в неприкосновенности, потому, что так его называют сами христиане. Но вместо «Ветхого Завета», а также вместо различных современных политкорректных эвфемизмов, вроде «Первого Завета» или «Иудейского Писания», мы, как правило, будем называть его так, как его называют в иудейской среде, Танах; это слово представляет собой акроним

первых букв иудейских названий трех его основных частей: *Тора*, Пятикнижие Моисея, *Невиим*, Пророки, *Ктувим*, Писания. Лишь говоря о месте Танаха в христианской Библии, мы будем называть его «Ветхим Заветом». Следуя высокому примеру Псалма 118/119, в название каждой из двенадцати глав — по двенадцати коленам Израиля или по двенадцати апостолам Христовым — мы включаем слово «Библия» или его синоним.

БОГ, КОТОРЫЙ ГОВОРИТ

Все мы умели говорить еще до того, как научились писать. Это справедливо не только в отношении отдельных людей, но и целых наций: они всякий раз обретали или изобретали собственные алфавиты и письменности для тех языков, на которых уже говорили в течение долгого времени. И со всем уважением к присутствию предельной и непостижимой тайны, можно сказать, что это справедливо даже для Божества: «В начале ... сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт 1:1-3); «В начале было Слово» (Ин 1:1). Христиане и иудеи, как и их Священное Писание, согласны по крайней мере в том, что в начале, до того как появилась какая бы то ни было писаная Библия, было Слово Божье, что Господь Библии – Господь, который говорит. «Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят» (Пс 113:13), так Псалом характеризует идолов, сделанных человеческими руками, по контрасту с живым Богом, который не имеет уст, однако говорит. В главе, открывающей Тору, одиннадцать раз употребляется слово «говорить» по отношению к Богу¹, помимо слов «называть» и «благословлять». Но Бог, который говорит, на протяжении восьмидесяти глав Торы ничего не пишет, аж до тех пор, пока не вручает Моисею Скрижали Завета на горе Синай во второй половине Второй книги (Исх 31:18). Кроме того, чтобы понять писаную Библию, важно осознать, что большинство слов, которые сейчас записаны, сначала были проговорены и, соответственно, их слушали на протяжении многих лет прежде, чем смогли прочитать.

¹ Быт 1:3, 6, 9, 11, 14, 20, 22, 24, 26, 28, 29.

Сейчас, когда эти слова доступны нам, в первую очередь, в письменной форме, нам надо их озвучить, иногда даже вслух, чтобы понять полное их значение. Неожиданным примером того, как предполагаемый устный оригинал помогает объяснить письменный текст, оказалось утверждение Иоанна Крестителя в Евангелиях: «и не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф 3:9). Интерпретаторы этого места часто задавались вопросом, какая может быть связь между «детьми» и «камнями», пока, при обратном переводе этих слов с греческого на арамейский, это не стало очевидно: *ben*, как в названии одного из апокрифов, *Ben Sirach*, означает «сын» или «ребенок», во множественном числе *bānîm*, а *eben*, как в *Eben-Ezer* (1 Цар 4:1), означает «камень», во множественном числе *ābānîm*, то есть Иоанн Креститель говорил о том, что Господь способен создать *bānîm* из *ābānîm*. Эта игра слов утрачивается не только при переводе с арамейского на греческий (на английский и другие языки), но и в передаче из устной традиции в письменный текст.

ГОЛОС БОГА

Итак, Моисей, записавший (согласно преданию) первые пять книг Библии, впервые узнает имя и слово Божье, услышав голос, зывающий к нему из «купины неопалимой»: «Моисей! Моисей!... Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх 3:4-6) — услышав голос, а не прочтя книгу. Когда Моисей вопрошает о Его имени, голос загадочно отвечает: «Ehyer-Asher-Ehyer, Я есмь Тот, Кто Я есмь» (Исх 3:14). Этот Бог-который-есть известен под таинственным именем *YHWH*, четыре согласные которого составляют «Тетраграмматон». Современные исследователи обычно поясняют, что Тетраграмматон произносился как «Яхве», однако благочестивые иудеи его не произносили и не произносят, заменяя словом «Господь»

(практика, которую у них унаследовали христианские переводы). Следовательно, бытие Бога постоянно остается трансцендентной тайной, и только голос и слово Божье могут быть известны. Поэтому Моисей идентифицирует Его так: «Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова». Каждому из этих патриархов Господь *говорит* нечто в Книге Бытия и потом поступает соответственно. «И *сказал* Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12:1), и так начинается история патриархов и Израиля. Позднее Господь явился Исааку и *сказал*: «умножу потомство твое, как звезды небесные, и дам потомству твоему все земли сии; благословятся в семени твоём все народы земные» (Быт 26:2-5). Позднее Господь предстает во сне Иакову (чьё другое имя Израиль) «и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака» (Быт 28:10-15). Говорение и делание неотделимы, ведь *YHWH*, Бог Авраама, это Бог, который говорит.

ПРОРОК

На центральное место устного слова указывает знакомый титул «пророк», который, несмотря на присутствие провидцев и мудрецов вроде Конфуция и Гаутамы Будды, во многих мировых религиях в этом особом смысле составляет общее наследие и специфику традиции иудаизма, христианства и ислама, трех монотеистических «народов Книги». Соответственно, вторая из трех основных частей иудейского Танаха* называется Невиим, «Пророки». И одно из именовании Иисуса Христа, которые Евангелия приписывают народу, это «Иисус, Пророк из Назарета Галилейского» (Мф 21:11). В коранической традиции, где «Аллах, милостивый, милосердный» говорит: «И до

* Принятое в иудаизме название Священного Писания, в христианской традиции практически полностью соответствует Ветхому Завету.

тебя Мы посылали только людей, которым внушали» (Коран, 21:7*), это наивысшее обозначение и для самого Мухаммеда. Даже теперь мусульмане часто называют его просто «пророком». Шахада, центральное исповедание ислама, гласит: «Нет Бога кроме Бога, и Мухаммед пророк его».

Героев СМИ мы иронично называем «пророками погоды» (*weather prophets*), а «пророчествами» — более-менее надежные предположения брокеров на фондовом рынке. Однако, слово «пророк» (производное от греческого «говорящий») означает, в первую очередь, не того, кто предсказывает будущее, а того, кто говорит от имени Бога, — не того, кто *предсказывает*, а того, кто *высказывает* волю Божию (хотя последнее, конечно, часто включает предсказание будущего). Значит, первоначальную и определяющую характеристику библейских пророков следует искать в их божественном призвании — миссии наставлять и говорить от имени и авторитета Другого.

Уже в исторических книгах Танаха имеется стандартная формула для обозначения особого откровения Бога пророку: «И было слово Господа к Самуилу» (1 Цар 15:10), «Но в ту же ночь было слово Господа к Нафану» (2 Цар 7:4), «Когда Давид встал на другой день утром, то было слово Господа к Гаду пророку, прозорливцу Давида» (2 Цар 24:11), «И было слово Господа к Соломону» (3 Цар 6:11), «Исаия еще не вышел из города, как было к нему слово Господне» (4 Цар 20:4), «Но в ту же ночь было слово Божие к Нафану» (1 Пар 17:3), «И было слово Господне к Самею, человеку Божию» (2 Пар 11:2). В тексте писаний пророков эта же формула обеспечивает доверие к тому, что сказал Бог пророку, а значит, через пророка: «И было слово Господне к Исаии» (Ис 38:4), который пишет 66 глав своей книги. В пророчествах Иезекииля с этой формулы начинаются один параграф за другим: «И было ко мне слово Господне» (Иез 11:14; 12:1, 7, 21, 36; 13:1). Также начинает свою книгу и Иеремия: «Слова Иеремии, ... к которому было

* Коран цитируется по переводу И.Ю. Крачковского.

слово Господне» (Иер 1:1-2). Большинство из двенадцати малых Пророков используют эту формулу в первом стихе своих пророческих книг.

Чтобы подчеркнуть преемственность Иоанна Крестителя по отношению к пророкам, но вместе с тем и изменения, привнесенные Христом, Новый Завет также употребляет пророческую формулу – но только говоря об Иоанне и ни о ком другом, даже не об апостолах Христовых, поскольку, строго говоря, слово Божье не приходило к Иисусу, ведь Он сам был Словом Божьим, личностным и воплощенным²: «был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк 3:2). Как посланники личностного Слова Божьего и свидетели Его жизни, смерти и воскресения апостолы Иисуса представлялись своим слушателям как те, к кому пришло это определяющее Слово Божье: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни ... возвещаем вам» (1 Ин 1:1-3).

Лишь во вторую очередь пророк пишет (если вообще пишет): «Слово, которое было к Иеремии от Господа: так говорит Господь, Бог Израилев: напиши себе все слова, которые Я говорил тебе, в книгу. ... И вот те слова, которые сказал Господь об Израиле и Иуде» (Иер 30:1-4). В видении, где пророк Исаия становится причастным тайнам Божества (Ис 6:6-7), серафим касается именно уст пророка, а не пишущей руки, горящим углем, чтобы очистить их:

Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя,
и грех твой очищен.

Двадцать одна книга великих и малых пророков Израиля, содержащаяся в Танахе под заглавием Невиим, «Пророки», не претендует быть собранием всего, что сказал каждый пророк за всю долгую историю пророчества в Израиле. Действительно, как в одном из Евангелий было замечено в заключительных главах,

² Ин 1:1-14.

говоря именно о книгах про Иисуса (хотя эти слова можно применять и к другим, более ранним пророкам Израиля): «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей ... но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин 20:30; 21:25).

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В МИРОВЫХ ЛИТЕРАТУРАХ

Первенство устного слова не ограничивается традициями Библии, Танаха и Нового Завета. Одной из наиболее волнующих революций в изучении греческой литературы в XX веке было открытие того, что труды Гомера (неважно, был ли он — или они — слепым, или нет), скорее всего, были созданы и передавались на протяжении поколений в устной форме, прежде чем быть записанными. Эта интерпретация «Иллиады» и «Одиссеи», была предложена в качестве гипотезы блестящим ученым-классиком Милмэном Перри, он утверждал, что греческую эпическую поэзию изначально создавали неграмотные барды, профессиональные музыканты и поэты, исполнявшие ее на публику и обучавшие этим текстам своих учеников путем многократного повторения. Использование этими певцами стандартных формул и эпитетов, которые мы до сих пор видим в эпосе Гомера, сложность поэтических средств, метра и языка, как утверждал Перри, можно рассматривать как мнемонический прием, направленный на защиту поэзии от всяких изменений и искажений; ведь они могли бы накапливаться по мере многократного декламирования в той изменчивой, непостоянной форме, которую неизбежно принимает устное слово. До сих пор на вечеринках популярна игра, участники которой передают шепотом на ухо сложные предложения и проверяют, каким образом они будут искажены после десяти-пятнадцати «повторений», оказывающихся отнюдь не дословными повторениями, а то и вовсе утрачивающими первоначальный смысл фразы. На дерзкую

гипотезу Перри скептически отреагировали члены университетского сообщества, которые тогда, как и теперь, посвящали свою жизнь написанию и изданию книг. Безусловно, им трудно было представить, каким образом, при отсутствии письменности, столь сложное произведение, как две эпические поэмы Гомера, содержащие более двадцати семи тысяч строк, могло запоминаться на протяжении многих поколений и сохраняться относительно без изменений у неграмотных греческих крестьян, не будучи зафиксированным. Но Перри нашел в Югославии неграмотных пастухов, столетиями практиковавших подобный поэтический жанр. С некоторыми изменениями теория Перри, или хотя бы этот ее аспект, который теперь обозначают как «устность» (в отличие от «письменности»), была принята широкими кругами исследователей не только ранней греческой литературы, но также и других национальных литератур.

Вместе с тем, уже в XIX веке было открыто, что на противоположном конце Европы ранние литературы Скандинавии и Британии также восходят к устным источникам. Поэтические средневековые исландские «Эдды» и прозаические древнорвежские саги, несомненно, произносились или пелись в течение долгого времени, прежде чем были записаны, что произошло, скорее всего, не раньше XIII века. Эксцентричный датский антиквар и гимнограф XIX века Николай Ф.С. Грундтвиг* заложил фундамент для современного изучения древнеанглийского устного эпоса «Беовульф» при помощи умозрительной реконструкции раннескандинавских устных источников, которые могли лечь в основу этой поэмы в ее нынешней письменной форме, обычно датируемой VIII веком. Кроме того, Грундтвиг отрицал многое из современных ему новозаветных исследований, настаивая, что Евангелия и даже, в некоторых отношениях, Послания апостола Павла возникли из первоначальных устных исповеданий и наставлений, которые ходили среди первых

* Николай Фредерик Северин Грундтвиг (Nikolaj Frederik Severin Grundtvig; 1783–1872) – датский священник, епископ, писатель, поэт, переводчик, философ, просветитель.

поколений христиан и могли основываться на словах самого Христа. Полевые антропологические исследования традиционных повествовательных формул у разных «примитивных» и неграмотных народов выявили поразительный уровень сложности; это подтверждает теорию о том, что культуре не обязательно иметь устоявшийся алфавит и развитый литературный язык, чтобы быть способной к глубокой, творческой литературе.

Интенсивное изучение саг, эпоса, устных традиций в XIX–XX веках простиралось и на культуры того региона и периода, где формировался материал, впоследствии ставший Библией. Такие исследования стали возможны вследствие развития археологии как отдельной науки, что привело к «очищению» лингвистики и к расшифровке разнообразных древних алфавитов; наибольшую известность обрели открытие и расшифровка Розетского камня Жаном-Франсуа Шампольоном, приведшие к расшифровке египетских иероглифов. Известнейшие из этих культур древнего Ближнего Востока – культуры Вавилона, Шумера, Месопотамии – породили поэтические повествования о сотворении мира и о потопе, в некоторых отношениях поразительно похожие на устные предания, вошедшие в еврейскую Тору. Записанный (и гипотетически произносившийся) на аккадском языке, эпос о Гильгамеше содержит, среди прочего материала, истории о первом человеке и о разрушительном потопе, которые многим иудео-христианским читателям удивительно (а порой и шокирующе) напоминали библейские истории об Адаме и Ное. Вавилонская поэма «Энума Элиш», произносившаяся раз в год или даже чаще, содержит столько параллелей с первыми двумя книгами Торы, что она получила название «Вавилонской Книги Бытия». Оба этих древних эпоса, вместе с каменными и глиняными табличками и другими письменными источниками, открытыми в ходе археологических раскопок, обеспечили достаточно информации о том, как возникли и передавались в древнем мире подобного рода повествования, включая и библейские.

Преподаватели английской литературы нередко вынуждены напоминать ученикам, что Шекспир писал свои пьесы не для

того, чтобы их изучали на уроках, а для того, чтобы их играли в театре «Глобус». Не страница, а сцена была — и остается — настоящим местом их встречи с читателем. Порой возникает впечатление, что есть два Шекспира: один предоставляет пространство для игры ума ученым, другой — бурлит сценариями для актеров и режиссеров, и оба они двигались разными путями, практически без всякого контакта. Когда же такой контакт состоялся, ученым стало понятно, что язык пьес должен быть услышан, чтобы быть прочитанным. В отличие от большинства читателей древнего мира, читавших вслух, мы привыкли читать молча. Это позволяет нам читать большие объемы текста, но часто с утратой качества чтения, особенно когда то, что мы читаем — к примеру, пьесы Шекспира или Священное Писание — является устным материалом, попавшим в книгу, как муха в янтарь.

СОКРАТ И ИИСУС

Однако, наиболее поразительные примеры того, что древний мир полагался скорее на устную, чем на письменную речь, не являются открытиями современной археологии или новейших литературоведческих теорий, а были известны западной традиции на протяжении долгого времени. Джон Стюарт Милль говорит: «человечеству никогда не помешает напоминать о том, что когда-то жил человек по имени Сократ, ... признанный мастер среди всех выдающихся мыслителей, которые жили с тех пор»³. Вместе с тем никогда не помешает напоминать человечеству и то, что все, что мы знаем о Сократе, любая мысль, которая ему приписывается, дошла до нас через «вторые руки», от его последователей и слушателей: философа Платона, историка Ксенофонта, драматурга Аристофана. Его необычайное влияние на каждое поколение на протяжении веков от его времени до нашего —

³ John Stewart Mill, *On Liberty*, ch. 2.

«святой Сократ, помолись о нас», как воскликнул Дезидерий Эразм, — это результат существования таких источников-посредников, и это влияние зависит от их достоверности. Живя в высокообразованной культуре Афин эпохи Перикла, где книги имели огромный авторитет и влияние, сам Сократ не написал ни единой книги или хотя бы какого-нибудь текста, дошедшего до нас. Все его идеи рождались и жили в устной форме, все его слова были только произнесены. И все же за эти произнесенные слова и не записанные идеи он был официально осужден и казнен.

То же справедливо и в отношении Иисуса из Назарета. Практически все, что сказано в предыдущем абзаце, можно применить к Иисусу, с тем же правом, что и к Сократу. Он так же ничего не писал. Он мог читать из свитка Пророков, провозглашая: «ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк 4:16-30), и тем опять же предоставляя слушанию приоритет над текстом. Даже единственное упоминание в Евангелии, что «Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле» (Ин 8:6-8), сомнительно в своей аутентичности. Но даже если оно и достоверно, то все-таки не сообщает, что же именно Он написал. Иисус критиковал своих противников, за то, что они «исследуют Писания» (Ин 5:39), не понимая его, поскольку они отказывались слушать живые слова, которые Он, будучи Словом Божьим во плоти, говорил им здесь и теперь. С другой стороны, именно Его устным поучениям мы должны следовать, и исключительно в той форме (или тех формах), в которых Его ученики записали их постфактум. «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек» (Ин 7:46), — нехотя признавали, согласно Евангелию, даже Его враги, «ибо Он учил их (устно), как власть имеющий, а не как книжники (люди, имевшие дело с письменным словом) и фарисеи» (Мф 7:29).

Кроме огромной разницы в содержании сказанного, между Сократом и Иисусом есть разница в интервале между произнесением слов и их записью. Историками приводится сильный аргумент в защиту того, что Платон в «Апологии Сократа» достоверно воспроизводит самозащиту Сократа на суде перед

гражданами Афин: книга появилась так скоро после самого события, что любое искажение привлекло бы внимание и вызвало бы критику со стороны множества потенциальных читателей «Апологии», присутствовавших при выступлении Сократа на суде. По контрасту, первые записанные слова Христа — это формула из нескольких слов устной литургической традиции: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание» и «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (1 Кор 11:24-25). Этими словами, как их цитирует из устной литургической традиции апостол Павел, обращаясь к христианской общине Коринфа 20 лет спустя, Иисус основал таинство евхаристии. После этого, первая запись слов Иисуса, которую большинство ученых сегодня отождествляют с Евангелием от Марка, видимо состоялась непосредственно перед 70-м годом н.э. (разрушение Иерусалима римской армией во главе с Титом). Другие три Евангелия, скорее всего, появились еще позднее, хотя есть свидетельство, что в то же время «многие (другие писатели) начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» (Лк 1:1-2), — то есть источником их тоже была устная традиция; кто эти «многие» мы достоверно не знаем. В любом случае, прошло минимум три-четыре десятилетия, в течение которых деяния Иисуса приводились на память и его слова пересказывались только в устной форме, и все письменные формы включают в себя эти устные предания. В середине IV века всё записывали неохотно. Провозглашая христианский символ веры, использовавшийся при Крещении в Иерусалимской церкви, епископ Иерусалимский Кирилл говорил своим слушателям: «Я хочу, чтобы вы запомнили это исповедание, которое я сейчас буду произносить, и со всяким тщанием повторяли его между собой, не записывая на бумагу, но запечатлевая памятью в ваших сердцах»⁴,

⁴ Кирилл Иерусалимский, *Огласительные поучения* 5.12.

у него были опасения, что, будучи записанными, слова божественного таинства попадут не в те руки.

В Новом Завете есть ценное свидетельство об этом процессе, в прощальной речи апостола Павла перед старейшинами церкви в Эфесе, приведенной в Деяниях Апостолов. В конце речи апостол напоминает, что надобно «памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: “блаженнее давать, нежели принимать”» (Деян 20:35). В английском переводе Библии короля Якова: «Более благословенно давать, чем получать»; это одно из наиболее часто цитируемых, но не наиболее часто исполняемых, высказываний Иисуса. Однако это высказывание не записано ни в одном из Евангелий, даже в у Луки, автора Деяний, который, собственно, и цитирует здесь Павла. Следовательно, возникает вопрос о связи между письменными формами Библии и устными преданиями, предшествовавшими им. Это вопрос, о котором интерпретаторы Евангелий спорили столетиями, но это также вопрос, который должен возникать по поводу всякой фиксации устной традиции в письменном тексте. Одно из главных различий между фарисеями и саддукеями, двумя течениями внутри иудаизма, которые наиболее выразительно описаны в Новом Завете, состояло в том, что фарисеи принимали, кроме авторитета библейского текста, авторитет преданий, тогда как саддукеи отрицали авторитет устной традиции. В основе этих преданий, которые впоследствии были собраны в Талмуд, лежит концепт «устной Торы», сопровождающей письменную Тору. В рамках христианской традиции эта проблема стала центральной для дебатов XVI века, эпохи Реформации, когда Лютер и Кальвин отвергали утверждения, что традиционные интерпретации Библии церковью, а тем паче небиблейские предания, являются авторитетным источником божественного откровения, наряду с Библией. «Религия протестантов это только Библия», — настаивал Уильям Чиллингворт. В ответ на такое педалирование авторитета Библии, Католическая церковь декларировала в 1546 году, что «правда и закон содержатся в писаных книгах, а равно и в *неписанных преданиях*, полученных

апостолами из уст самого Христа или дошедших до нас иным образом, переданных, как бы от самих апостолов, вдохновением Святого Духа». Согласно этому постановлению, все эти источники — Библия, письменные и устные предания — должны были восприниматься «с одинаковым доверием и почтением», независимо от того, каким образом они сохранились.

ПИСАНИЕ И ПРЕДАНИЕ

Даже когда письменный текст сам по себе считается прямым результатом божественного вдохновения, как считают относительно Танаха и Нового Завета их последователи и как считают — в наивысшей, чрезвычайной мере — относительно Корана его последователи, этот вопрос все равно не снимается. С древнейших времен иудейские книжники, которые были верными хранителями письменного текста святой Торы, в то же время слово за словом и даже буква за буквой устно передавали от учителя к ученику разнообразные предания, относящиеся как к обычаям, так и к учению, а также к пониманию самого письменного текста. Эти поучения были не частью Торы, но традицией, сборник таких преданий лег в основу Талмуда. Когда христиане приняли Тору и остальную часть Танаха, но добавили к нему Новый Завет, создав христианскую Библию, этот процесс не был завершен. В IV веке христианский богослов Василий Кесарийский настаивал на том, что такие проявления веры как осенение крестным знамением или обращение лицом к востоку при молитве, не упомянутые в Библии, все же являются не просто народными обычаями, которых верующие могут придерживаться или нет по своему желанию, но неписаными преданиями, пришедшими из апостольских времен христианства, а значит, имеющими не меньший авторитет, чем записанное апостольское предание, которое входит в Библию⁵. Они являются

⁵ Свт. Василий Кесарийский, *О Святом Духе*, 6.6.

нормативными и закреплёнными христианской традицией, независимо от способа, которым они дошли до нас.

Литургия как место встречи всех традиций, перечисленных Василием, напоминает о том, что за письменным текстом Танаха, каким мы его знаем, стояли не только сказания пророков и мудрецов Израиля, а и произносившиеся, — но чаще воспеваемые — предания богослужения. Ни одну из книг Писания ни христиане, ни иудеи так не почитали на протяжении веков как Псалтырь. Первая изданная в Америке книга (в 1640 г.) называлась «Полная Псалтырь, точно переложённая на английский метр». Хотя Псалтырь также тщательно исследовалась богословами в поисках доказательных мест для цитирования, псалмы почти на каждой странице содержат напоминания о том, что важна не книга как таковая, а молитва и славословие. Прежде, чем псалмы были записаны, их пели, также как и после их записи: «Начальнику хора. На струнных орудиях» (4:1), «*Шмай-он*, которую Давид воспел Господу» (7:1), и так далее вплоть до последнего псалма, начинающегося призывом: «Аллилуйя! Пойте Господу песнь новую» (148/149:1) — «новую песнь», которая, конечно, часто оказывалась очень старой песней. Их запись, таким образом, рассматривалась не как конец, а как единственный возможный способ сохранения преемственности и гарантии того, что воспевавшееся некогда ушедшими поколениями, будет петься и поколениями грядущими. И оно действительно пелось веками, а к нашему времени уже тысячелетиями, в равной мере иудеями и христианами. Псалом, написанный руками книжника, служит псалму, воспеваемому устами певчего, хора или собрания молящихся; и «воспеваемый устами» псалом имеет преимущество как по времени, так и по значению.

Но преимущество «уст» в не меньшей мере касается и неэтических книг Библии. Не только устное слово пророков и, в конечном счёте, слово, сказанное пророку Богом, предшествует книге, которую пишет пророк, как мы отмечали относительно пророка Иеремии, но и пророк пишет слова в книгу специально для того, чтобы когда-то в будущем они вновь стали устными

словами. То же касается и Нового Завета. Как некогда заметил Мартин Лютер, нигде в Новом Завете Иисус не велит своим последователям идти по всему миру и писать книжки, даже Евангелия и прочие книги Нового Завета. Вместо этого, как сообщает сам Новый Завет. «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16:15). Соответственно, для Лютера «Писание» было названием того Писания, которое читал и цитировал уже Иисус, т.е. Танаха/ Ветхого Завета. Для Нового же Завета, по его мнению, наилучшим названием было бы не «Писание», а «сказание» или «весть». В истории народа Божьего часто были целые века и целые страны, где неграмотных верующих было больше, чем грамотных. И воззвания пророков и проповедь Евангелия не начинались с текста и не увещевали себя исключительно в виде текста: «И сказал Бог: да будет свет» (Быт 1:1-3); «В начале было [устное] Слово» (Ин 1:1).

ПРОИЗНЕСЕННОЕ СЛОВО И ПИСАНОЕ СЛОВО

Преимущество того, что «Бог сказал» над писанным словом, даже над писанным словом Бога, коренится в человеческой психике и в самой природе человеческого языка. В диалоге Платона «Федр» Сократ, не записывая своих мыслей на бумагу, критикует чрезмерное полагание некоторых из его современников-греков на письменное слово, говоря «о живой и одушевленной речи знающего человека, лишь отображением которой справедливо можно назвать письменную речь». Аналогично, влиятельнейший автор писем в мировой истории, апостол Павел, когда он был вынужден полагаться на письменное слово в послании к Галатам, выражает свое сожаление по этому поводу: «Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас» (Гал 4:20). Моделирование тона голоса: восклицание или шепот, паузы, ускорение и замедление темпа речи, жесты, гримасы и улыбки — ни одна система пунктуации,

никакие прописные буквы, курсив или жирный шрифт не могут даже надеяться передать все эти измерения устной коммуникации и средства убеждения. Цитируемый Платоном Сократ в том же «Федре» замечает, что есть одна «дурная особенность письменности, поистине сходная с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе»⁶.

Нарисуем, возможно, более адекватную картину: то, что теряется, когда устное слово *сводится к писаному* (как мы часто говорим, не задумываясь), должно быть скомпенсировано тем, что сохранилось в этом процессе, и его средствами. Мы каждый день убеждаемся, что нет ничего более преходящего и эфемерного, чем устная речь. Она, как говорил о себе Китс (ошибочно) в собственной эпитафии, «писана по воде», — на минуту возникает, и ее уже нет, звучит одно мгновение и исчезает навсегда. Сама спонтанность устного слова, которая может составлять его очарование и славу, может явиться и его фатальной слабостью. Кто из нас никогда не говорил что-нибудь «во власти минуты», о чем потом жалел, или хотя бы пересматривал, или, как мы часто говорим, желал, чтобы оно «осталось несказанным»? Собственно, именно это мы можем сделать, хотя бы сразу после написания, при помощи ручки, печатной машинки, текстового редактора. Хотя мы не располагаем практически никакими сведениями об особенностях процесса письма у отдельных авторов Библии, иногда нам встречаются указания такого рода: «Кроме

⁶ Платон, *Федр*, 275d-276a, перевод А.Н. Егунова (М., 1989).

того, что Екклесиаст был мудр, он ... все испытывал, исследовал, и составил много притчей. Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, [предположительно, устные] и слова истины *написаны* им верно» (Еккл 12:9-10). «А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду» (Рим 15:4). Опыт глубоко верующих людей, как иудеев, так и христиан, на протяжении веков подтверждает эту функцию писаного слова в часы испытаний и скорбей. В такие времена верующие убеждались, что, как говорит христианский Новый Завет об иудейском Танахе, «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16-17).

Время от времени, глубоко верующие люди так высоко оценивали эту способность писаного Божьего слова, что прямо связывали с ней собственное обращение. Блаженный Августин, повествуя о своем обращении⁷, рассказывает нам, как, потерявшись, по-видимому, в глубинах потакания страстям и похотям, он сумел найти себя, — и найти Бога, — прочитав первые слова Библии, попавшие ему на глаза: «Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиროваниям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти» (Рим 13:13). Британское и Иностранное библейское общество, Американское библейское общество и Общество «Гидеоновы братья» возникли прежде всего для того, чтобы распространять Библию и брошюры и через это привести читателей к вере. Но, исследуя исторические свидетельства, мы часто слышим человеческий голос, звучащий где-то вблизи писаной или печатной страницы. Прочитать это конкретное место из Нового Завета Августина заставил таинственный голос ребенка, «из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: “Возьми, читай! Возьми, читай!”». И Библии, и брошюры библейских обществ распространялись живыми и способными

⁷ Блаженный Августин, *Исповедь*, 8.12.29.

говорить человеческими существами, а не только по почте или через прилавок книжного магазина. Ни одна книга Танаха или Нового Завета явно не адресована неверующим, хотя они присутствуют в обоих.

Поэтому среди всех писем и всех глав в книгах, описывающих подробности чьего-либо обращения посредством Книги, можно найти сотни свидетельств, что именно голос отца, друга или незнакомца — иногда даже учителя или проповедника — оказался той силой, которая и призвала, и бросила вызов, и позвала за собой. Послание, которое передавал голос, было, в кавычках или без кавычек, посланием Книги, (в любом случае, оно почти всегда на это претендовало). И носитель сообщения во всех случаях читал Книгу или даже знал на память большие фрагменты из нее. Однако, источник, из которого прозвучала весть и передавалось послание Книги, представлял собой не библиотеку или классную комнату, а общину веры и богослужения. Даже слово «синагога», на идише «шкуль», что происходит от немецкого и, соответственно, латинского слова «школа», означает не просто место, где молодые и старые ученики запоминают и пересказывают Тору (хотя, конечно, в большой мере, они этим и занимаются), но и такое место, где человеческий голос достигает других людей посредством проповеди и Бога посредством молитвы. По крайней мере, в этом аспекте, Павел обращался к иудеям, также как и к христианам, формулируя принцип: «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим 10:17).

Совокупным эффектом этого полагания на устное слово и его прославления стало присвоение «Слову Божьему» статуса, который превосходит грамматику и коммуникацию, достигая метафизики и мистики: «В начале было [устное] Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть... И Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин 1:1-3, 14). Эти слова, открывающие первую главу Евангелия от Иоанна, провозглашают веру, разделяемую христианами и иудеями, но, в то же время, и разделяющую их. «Слово» тут

переводится греческим существительным *logos*, происходящим от глагола *legein*, «говорить». *Logos* также означает «ум» или «дух», и как в иудейском, так и в христианском богословии этот термин зажил собственной жизнью. Но какие бы другие значения ни были или могли бы быть у этого слова, «Вначале было Слово» можно читать как вывод и как парафраз одиннадцатикратного повторения «В начале ... сказал Бог» в первой главе Книги Бытия. До того, как были свет и порядок, до того, как были звезды и животные, до того, как были люди, «сказал Бог»; а значит, «В начале было Слово». Эта общая иудео-христианская вера в Бога, который говорит, представляет ту систему координат, в которой единственно и можно «очертить» — в смысле «ограничить» — отличительную для христиан веру, что устная речь Бога «стала плотью» и приняла человеческий облик в лице Иисуса Христа «и обитала с нами».